

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Гентовт Ольги Игоревны
на тему: «Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения
интересов участников хозяйственных обществ» по специальности
12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное
право; международное частное право»

Актуальность избранной темы исследования. Автором диссертации - *Гентовт Ольгой Игоревной* – выбрана для исследования тема, являющаяся для отечественного гражданского законодательства крайне актуальной – ограничение субъективных гражданских прав. Можно сказать и иначе: эта тема является частью более общего дискурса, весьма значимого для развития российского права в целом – *ограничения в праве*.

Высокая актуальность этой темы легко прослеживается, если посчитать, сколько раз к этой тематике обращался Конституционный Суд Российской Федерации, которым были сформулированы основные положения (принципы), которыми должен руководствоваться законодатель при формулировании ограничений прав и свобод, установленных Конституцией Российской Федерации.

В частности (и это только один из примеров), следует привести правовую позицию, сформулированную Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 1 апреля 2003 г. № 4-П¹: «по смыслу статьи 55 (часть 3) во взаимосвязи со статьями 8, 17, 34 и 35 Конституции Российской Федерации, возможные ограничения федеральным законом права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров, исходя из общих принципов права, *должны отвечать требованиям справедливости*,

¹ «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной»

быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать само существо конституционного права, т.е. не ограничивать пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм».

Тем не менее, несмотря на наличие корпуса правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, вполне определенных, ясных и непротиворечивых, применительно к определенным сферам отношений периодически вновь и вновь возникают вопросы о конституционности и целесообразности тех или иных правовых положений, толкуемых как ограничение прав.

Еще одним общего плана аспектом, определяющим актуальность темы исследования, является слабая разработанность проблемы ограничения права в теории права (достаточно посмотреть на имеющиеся в работах теоретического плана определения ограничения права, а также посмотреть теоретические выводы о соотношении ограничения и запрета).

Автор работы выбрал очень небольшой фрагмент в общей проблематике ограничения права – ограничение корпоративных прав, причем в узком аспекте ограничение корпоративных прав участников хозяйственных обществ. Такой выбор – авторское решение, хотя отмечу, что работа более выигрышно смотрелась, если бы автор не ограничивался только хозяйственными обществами. «Мир» корпораций в нашем праве в настоящее время (в силу специфики определения корпорации и отнесения к корпорациям весьма значительного числа юридических лиц) очень большой и пестрый, и дает почву для крайне любопытных научных изысканий и выводов, в том числе, и в части ограничения права.

Интерес к ограничениям корпоративных прав участников корпораций, в частности, хозяйственных обществ, обусловлен тем, что *сама конструкция*

корпорации в российском праве имманентно предполагает ограничение прав каждого участника корпорации в отношении друг друга. И дело здесь не только и не столько в том, что, как пишет автор, интересы участников корпорации разнонаправлены и эта разнонаправленность интересов «имманентна конструкции юридического лица» (стр. 4 – 5), дело в том, что ни один участник корпорации (если только речь не идет о ситуации компании одного лица) не может реализовать комплекс своих правовых возможностей, не учтя интересы других участников.

К этому имманентному состоянию взаимозависимости участников корпорации, являющемуся основой для возникновения естественного характера ограничения права, добавляются решения законодателя о введении дополнительных ограничений, а также о возможности формирования второго «слоя» таких ограничений, дополняющих прямо установленные законом – в учредительных документах корпораций, а также соглашениях, которые заключают между собой участники корпорации. Именно эти два случая установления ограничения корпоративного права и стали интересом автора диссертационного исследования, как следует из структуры и содержания работы.

Актуальность такого исследования сомнений не вызывает. Значительных работ по этим вопросам (даже в таком узком диапазоне, который использован автором – ограничение корпоративных прав участников хозяйственных обществ) не так много; специальных диссертационных исследований по этой тематике не было. Тогда так потребность в осмыслении оснований и конкретных механизмов ограничения корпоративных прав более чем значительная, учитывая радикальные изменения в сфере корпоративного права, в том числе значительный рост значения децентрализованного регулирования. Возникает много вопросов о содержании условий ограничений, которые могут такими регуляторами формулироваться. Да и в целом, как справедливо подчеркивается в некоторых исследованиях по проблемам ограничений прав и свобод человека

концепция прав и свобод в целом «представляет собой динамично меняющуюся систему взглядов»².

В силу вышеизложенного актуальность исследования вопросов ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ сомнений у оппонента не вызывает.

Формулировка темы исследования, его цель и задачи. Тема исследования сформулирована как «Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ». Таким образом, название предполагает, что предметом исследования будут именно случаи и порядок ограничения корпоративных прав одних участников для соблюдения (обеспечения) интересов других участников корпорации. Однако, как следует из постановки цели и задач исследования (стр. 8 – 9), формулы его новизны (стр. 10), а также содержания работы, реально автор исследует более широкий круг вопросов. А именно, вовлекая в исследование и случаи ограничения прав участников корпорации для целей обеспечения интересов самой корпорации, ее кредиторов и даже иных – неназванных – «третьих лиц» (стр. 9). Таким образом, содержание диссертации в реальности шире ее названия.

Цель диссертации на стр. 8 – 9 диссертации сформулирована следующим образом: «проведение комплексного анализа ограничения корпоративных прав одних участников хозяйственных обществ как средства реализации и защиты интересов иных участников хозяйственных обществ». Такая формулировка цели вызывает некоторые вопросы. И хотя, выбор цели работы – это прерогатива автора и его научного руководителя, тем не менее, отмечу, что «комплексный анализ» не может быть целью исследования; цель исследования – это решение какой-то задачи и формулирование для этого новых, научно-обоснованных и аргументированных положений (главным

² См.: Приходько Т.В. Современная модель ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия: конституционно-правовое исследование: автореф. канд. дисс. юрид. наук. Омск, 2017. С 7.

образом, положений на защиту). Не вполне понятно и использование слова «комплексный»; это в принципе неудачное понятие для описания качественной характеристики диссертационного исследования, а кроме того, сам автор на стр. 67 – 68 диссертации отказался от анализа «ограничений всех существующих прав участников корпорации» и указал, что анализ «будет проведен на примере отдельных имущественных и неимущественных корпоративных прав участников хозяйственных обществ» (стр. 68), т.е., слово «комплексный», строго говоря, вряд ли вообще применимо к характеристике исследования.

Автором сформулировано 7 задач диссертационного исследования, которые впоследствии нашли свое развитие по тексту работы.

Структура работы. Диссертация состоит из 263 страниц. В структуре диссертации имеется введение (стр. 3 – 14), три главы (стр. 15 – 215), заключение (стр. 216 – 218), список использованных источников и литературы (стр. 219 – 263).

В первой главе – «Ограничение корпоративных прав: понятие и виды» (стр. 15 – 65) автор диссертации попытался рассмотреть наиболее общие вопросы, возникающие в связи с поставленными ей целью и задачами исследования, о чем свидетельствуют и названия трех включенных в эту главу параграфов: «Ограничение права: понятие и генезис» (стр. 15 - 35), «Обеспечение интересов посредством ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ» (стр. 36 – 51), «Система ограничений корпоративных прав участников хозяйственных обществ» (стр. 52 – 65). С точки зрения оппонента, в целом, в этой главе удалось раскрыть большую часть вопросов общего характера, имеющих значение для проведения диссертационного исследования.

Тем не менее, обращает на себя внимание отсутствие специальной структурной части, направленной на исследование вопроса ограничения прав с точки зрения правовых позиций Конституционного Суда Российской

Федерации (даже если такое структурирование показалось автору работы излишним, тем не менее, этим вопросам следовало уделить большее внимание в рамках принятой автором структуры, чего нет).

Вторая глава – «Средства ограничения отдельных корпоративных прав участников хозяйственных обществ» (стр. 66 – 165) – также состоит из трех параграфов: «Законодательные ограничения отдельных имущественных и неимущественных прав участников хозяйственных обществ» (стр. 66 – 104). «Уставные ограничения корпоративных прав на примере непропорционального установления объема прав участников хозяйственных обществ» (стр. 105 – 133), «Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав» (стр. 166 – 215).

Судя по содержанию этой главы, автор сосредоточился на исследовании правовых форм, которыми могут вводиться ограничения – закон (в широком смысле), устав, корпоративный договор. В целом, такой подход следует признать разумным, он в полной мере соответствует исследуемому предмету, а также задачам исследования.

Цель включения третьей главы – «Отдельные основания прекращения корпоративных прав и их соотношение с ограничением корпоративных прав» (стр. 166 - 215), состоящей из двух параграфов: «Ограничение и прекращение корпоративных прав в результате исключения участника из хозяйственного общества» (стр. 166 – 193) и «Ограничение и прекращение корпоративных прав в результате принудительного выкупа акций и иных способов прекращения права членства в акционерном обществе» (стр. 195 – 215), в исследовании для оппонента осталась до конца неясной.

Формально нахождение этой главы в исследовании является отражением одной из задач, поставленных автором (стр. 9), – «рассмотрение отдельных оснований прекращения корпоративных прав и анализ их соотношения с ограничением корпоративных прав». Однако мне представляется, что в логике исследования положения данной главы несколько нелогичны. Как было отмечено выше, логичнее смотрелась бы

структурная часть, где автор анализирует вопросы ограничения права с точки зрения теории права и правовых позиций Конституционного Суда РФ, нежели исследование вопросов прекращения права. Впрочем, впрочем, это не более, чем мое мнение; вопрос выбора структуры – это прерогатива автора, хотя некоторые комментарии по обозначенному вопросу хотелось бы услышать в ходе публичной защиты.

Новизна исследования, аргументированность и достоверность выводов и положений автора. Научная новизна в исследовании, вне всякого сомнения, присутствует; она проявляется в отдельных положениях, вынесенных на защиту, а также в отдельных положениях, составляющих основную часть диссертационного исследования. При этом описание новизны самим автором исследования на стр. 10 признать удовлетворительным нельзя; автор пишет, что «научная новизна исследования заключается в комплексном теоретическом осмыслении норм об ограничениях корпоративных прав через призму реализации и защиты интересов участников хозяйственных обществ, а, в ряде случаев, интересов корпорации и третьих лиц. Диссертант рассматривает ограничение корпоративных прав не только в качестве негативного воздействия на их обладателя, но и как особое правовое средство обеспечения и защиты интересов субъектов корпоративных отношений». Должен заметить автору, что «теоретическое осмысление норм» - это субъективный процесс, а новизна заключается в наличии определенного объективного результата, который впервые достигнут автором (создана концепция, сформулированы основы теории и т.п.). Про «комплексность» здесь замечания аналогичны тем, что были указаны ранее в отношении формулирования цели исследования.

Говоря об аргументированности и достоверности положений диссертации, отметим, что в целом автором использован в ходе исследования необходимый и достаточный круг источников, как нормативных, так и

доктринальных, как российских, так и зарубежных. Список источников (стр. 219 – 263) включает 402 позиции. Отмечу при этом (с учетом ранее высказанных замечаний относительно структуры работы), что, как мне думается, более широким мог бы быть перечень актов Конституционного Суда Российской Федерации, касающихся вопросов ограничения прав, а также соответствующих работ общетеоретического характера.

Положения, выносимые на защиту. На защиту автором вынесено 8 положений на защиту (стр. 10 – 14), которые по своему содержанию соответствуют задачам исследования.

Проанализируем их подробно.

В первом положении, выносимом на защиту (стр. 10 – 11) автор подчеркивает, что целью ограничения субъективных корпоративных прав *«является обеспечение баланса интересов участников корпорации»*. При этом автор подчеркивает, что ограничение корпоративных прав – это результат изменения возможностей осуществления правомочий в процессе установления, развития и прекращения корпоративных правоотношений, ограничение возможностей осуществления корпоративного права, сужение возможностей. С таким предложением следует согласиться.

Во втором положении, выносимом на защиту (стр. 11), автор конкретизирует источники возникновения ограничений корпоративного права, говоря о трех таких источниках: законе, уставе и соглашениях участников корпораций, примером которого является корпоративный договор. В целом, такая классификация может быть поддержана, она вполне логично вытекает из текущего регулирования корпоративных отношений. Тем не менее, хотелось бы высказать замечание по формулировкам второго предложения на защиту: они сформулированы применительно к корпорациям в целом (хотя исследование, как мы уже отметили, сужено исследованием ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ). Между тем, указанные выводы даже с юридико-технической стороны

должны были быть скорректированы, если бы речь шла о корпорациях в целом. Во-первых, не во всех корпорациях учредительный договор – это устав. Во-вторых, правовое положение корпораций различных видов в настоящее время столь разнообразно, что выводы второго положения на защиту не ко всем из них применимы. В-третьих, - и если рассматривать все российские корпорации, и если только учитывать специфику регулирования хозяйственных обществ, хотелось бы получить комментарии автора диссертации относительно возможности (или целесообразности, если он таковую в условиях текущего регулирования не видит) регулирования вопросов установления ограничения корпоративных прав решениями органов корпорации (решениями собраний, в частности). По этому вопросу хотелось бы получить ответ в ходе публичной защиты диссертации.

В третьем положении, вынесенном на защиту (стр. 11 - 12) автор утверждает, что «ограничение корпоративных прав участников хозяйственных обществ может осуществляться в целях обеспечения интересов самой корпорации», поскольку «юридическое лицо является носителем собственного интереса, не сводимого к интересам отдельных участников, хотя в ряде случаев эти интересы отождествляются». С таким выводом следует согласиться, хотя признать его полностью новым вряд ли возможно.

Далее, комментируя эти положения, автор приводит в пример «отождествления интересов корпорации и отдельных ее участников» случай ограничения «возможности исключения контролирующего участника». Автор указывает, что *«подход, позволяющий исключать из общества любого участника, представляется неверным, поскольку выплата действительной стоимости доли выбывшего мажоритарного участника может лишить общество значительной части имущества, необходимого для осуществления предпринимательской деятельности»*.

К указанным суждениям есть несколько комментариев.

Вопрос о возможности исключения участника корпорации в целом, равно и исключения мажоритарного участника корпорации является предметом довольно продолжительной дискуссии. Согласимся с автором, что исключение мажоритарного участника требует как минимум серьезного взвешенного обсуждения. Судебная практика (и ее обобщения и разъяснения) по этому вопросу не в полной мере устойчива. Пункт 10 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью (информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 мая 2012 г. № 151) пытался сузить соответствующие возможности, говоря только о случае, когда «участники общества в соответствии с его уставом не имеют права свободного выхода из общества».

Актуальная практика Верховного Суда Российской Федерации и нижестоящих арбитражных судов однозначно допускает исключение мажоритарного участника корпорации (в тех случаях, когда соответствующая часть корпоративного законодательства допускает в принципе это средство прекращения корпоративного конфликта). К примеру, в недавнем деле было признано правильным исключение участника общества с ограниченной ответственностью с долей участия 51 % (см.: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 ноября 2020 г. № Ф02-4579/2020 по делу № А33-23875/2019; определение Верховного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 302-ЭС21-860). В указанном деле окружной арбитражный суд, среди прочего, отметил, что «доказательства того, что исключение...из состава участников... приведет к прекращению деятельности последнего, не представлены; наоборот, исходя из всех вышеизложенных установленных судами обстоятельств, следует, что отказ в исключении ответчика может привести к затруднению или прекращению деятельности ООО... и причинению последнему значительного вреда. Кроме того, законодательство не предусматривает, что лицам, владеющим 51%

уставного капитала общества, предоставляется право на действия, противоречащие интересам этого общества».

Очевидно, что законодательство несовершенно, и здесь нельзя не признать правоту автора, и при этом я не могу согласиться с ним, что ограничение на исключение мажоритарного участника (так как его понимает судебная практика) – это пример отождествления интереса участника и корпорации. Скорее, перед нами не вполне удачный подход законодателя по регулированию корпоративных отношений, причем по весьма чувствительному вопросу. И не надо этому недостатку (дефекту) придавать значение большее, чем есть на самом деле. Перед нами очевидный дефект регулирования – неопределенность в вопросе исключения мажоритарного участника, – который должен быть «закрыт». С этой точки зрения, как раз было бы интересно увидеть развернутые положения автора диссертации о том, как этот дефект должен быть устранен. Возможно, автор сделает это в ходе публичной защиты диссертации.

С четвертым положением на защиту (стр. 12) оппонент готов согласиться. Однако аргументация, которую приводит автор данному тезису, представляется несколько легковесной, больше основанной на формальных критериях:

- «...не устав акционерного общества, а решение о выпуске ценных бумаг является тем документом, в котором устанавливается объем прав акционеров – владельцев ценных бумаг. Может ли быть изменен объем корпоративных прав тем документом, который его изначально не регламентирует? Полагаем, что нет. В этой связи установление непропорциональности объема прав по правилам абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ противоречит законодательству в сфере рынка ценных бумаг и не должно применяться в непубличных акционерных обществах. Ни устав, ни корпоративный договор не могут изменить объем прав, предоставляемых акцией, поскольку его установление регламентировано императивными нормами законодательства о рынке ценных бумаг» (стр. 108);

- «... если непропорциональность объема прав по акциям закреплена в уставе общества, то при отчуждении акций положения устава будут носить обязательный характер для приобретателя ценных бумаг. В этом случае данные ценные бумаги не будут обладать свойством публичной достоверности, поскольку объем прав по ним, указанный в решении о выпуске, не будет соответствовать действительному объему прав, закрепленному в уставе. Схожая ситуация возможна и при залоге ценных бумаг, когда залогодержателю в силу п. 1 ст. 358.17 ГК РФ предоставляются все права, принадлежащие залогодателю и удостоверенные заложеной ценной бумагой... Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что возможность отхода от принципа пропорциональности по смыслу абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ допустима лишь в обществах с ограниченной ответственностью и не может распространяться на непубличные акционерные общества» (стр. 109 – 110);

- «...непропорциональное установление объема прав по акциям вступает в противоречие с императивными положениями законодательства в сфере рынка ценных бумаг, а также влечет за собой нарушение принципа публичной достоверности ценных бумаг» (стр. 217).

Как показывает внимательное изучение исследований по соответствующей проблематике, имеются аргументированные позиции, противоположные тем, которых придерживается автор.

В этой связи хотелось бы в ходе публичной защиты услышать более весомые аргументы в пользу высказанной точки зрения.

В пятом положении на защиту (стр. 12 – 13) предлагает разграничение между «особыми» преимущественными и дополнительными правами. В целом, предложенные выводы можно поддержать. При этом отметим, что сама аргументация в части природы преимущественных прав в работе могла бы быть более существенной, если бы автор подверг анализу такие права с позиций общей теории права.

Шестое положение на защиту (стр. 13) содержит как выводы общего характера («доказано, что законодательные ограничения корпоративных прав должны иметь объективные пределы», «что касается неимущественных корпоративных прав, то пределы их ограничения также должны иметь объективный характер»), так и частного свойства («так, отсутствие решения о выплате дивидендов при наличии у общества чистой прибыли должно иметь объективное обоснование, такое, как наличие в обществе надлежащим образом утвержденных инвестиционных программ, на выполнение которых планируется направить указанную прибыль. Нарушение таких пределов может являться формой злоупотребления правом», «с этой точки зрения применение при ограничении права на информацию такого субъективного критерия, как деловая цель, является необоснованным»).

Говоря иначе, это положение на защиту является несколько неровным, по существу, его надо было «разбивать» на несколько частей, а может быть на собственно положения на защиту и конкретные предложения по изменению законодательства.

Отметим некоторые соображения и по содержанию данного положения на защиту.

То, что «законодательные ограничения корпоративных прав должны иметь объективные пределы», – поспорить сложно.

Поиск таких пределов позволил Конституционному Суду Российской Федерации сформулировать корпус правовых позиций, касающихся требований к законодателю о порядке формулирования ограничений прав и свобод человека. Таким образом, в этой части рассматриваемого положения на защиту особой новизны нет. И автор мог бы его не формулировать, если бы сделал в работе раздел общего характера, в котором подверг исследованию общетеоретические положения об ограничении прав, а также детально разобрал правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. В этом случае, главный вопрос, который бы встал перед автором, – *какие они должны быть, эти объективные пределы?*

Вот на этот вопрос и хочется услышать ответ от автора в ходе публичной защиты диссертации.

Относительно выводов о необходимости иметь объективное обоснование для принятия решения об отказе от выплаты дивидендов, соглашусь; оппонент сам активно занимался исследованием соответствующих проблем³ и среди прочего предлагал подумать о гарантиях выплаты дивидендов в публичных корпорациях. Однако применительно к выдвигаемому предложению важно предложить и механизм его реализации, причем реальный, тот, который будет учитывать интересы различных заинтересованных лиц. Отмечу, что предложение автора в его нынешнем виде проблем не решит. Вопрос ведь и в том, *насколько обоснованы ранее утвержденные инвестиционные программы?* Собственно, и сейчас при отказе от выплаты дивидендов делаются ссылки на необходимость инвестиций, утвержденные программы и проч. Однако такие программы могут предполагать инвестиции, в которых компания остро не нуждается и/или они имеют высокий период окупаемости, а то и вовсе служат средством «увода» денег от акционеров.

С критикой «деловой цели» как субъективного критерия, с помощью которого ограничивается право участника корпорации на информацию (также см. стр. 99 – 103 диссертации), полностью соглашусь.

Но это критика. А где, собственно, то, что ждут от автора диссертации, – *предложения о том, каковы должны/ могут быть критерии ограничения права на информацию?*

Этого оппонент не увидел ни в положениях на защиту, ни в той части работы (стр. 103 – 104), которая следует за критикой существующего

³ См.: *Габов А.В., Забитов К.С.* Роль Конституционного Суда в защите прав миноритарных акционеров// Закон. 2012. № 1. С. 108 – 122; *Габов А.В.* О выплате дивидендов по привилегированным акциям / Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 22 / А.В. Алтухов, О.А. Беляева, Н.А. Бортникова [и др.]; отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2017. С. 42 - 68

положения дел. А потому оппонент хотел бы получить ответ на поставленный вопрос, в том числе в свете тех ограничений, которые возникают в текущей повестке дня (отказ от предоставления информации или ограничение как антисанкционные меры⁴), которые автором специально не анализируются.

Седьмое положение на защиту (стр. 13) осталось для оппонента неясным. То, что «использование средств договорного ограничения корпоративных прав возможно лишь в той мере, в которой это допускается законом», - для оппонента казалось вполне ясным и без того, чтобы это еще раз кем-то было доказано. Поэтому хотелось бы получить на защите более подробные комментарии относительно ценности и научной (теоретической и практической) значимости выводов, представленных в этом положении на защиту.

Аналогичное замечание в отношении восьмого положения на защиту (стр. 13 – 14). По существу перед нами констатация существующего положения дел; что предлагается автором, не вполне ясно. Соответственно, требуются комментарии автора на защиту и в отношении этого положения на защиту.

Выводы. Вместе с тем, высказанные в настоящем отзыве замечания не умаляют значимости диссертационного исследования.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода.

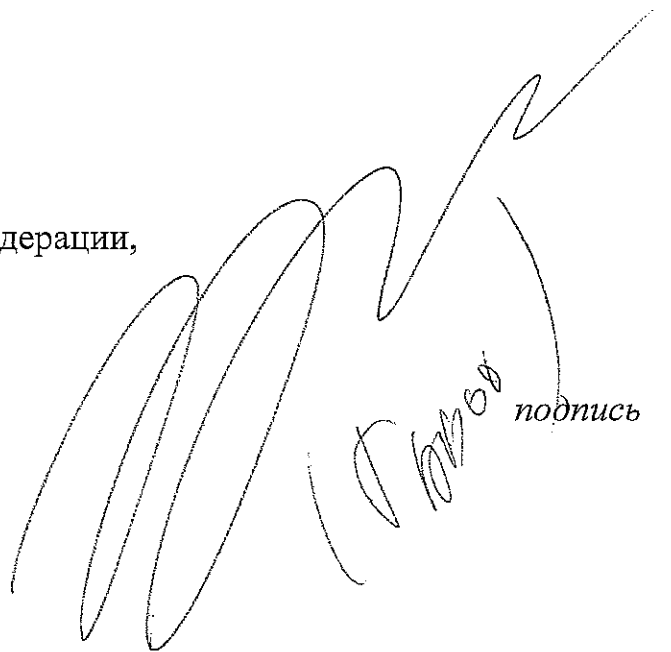
Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых

⁴ См.: Габов А.В., Шпансугова М.Д. Санкции как фактор развития правового регулирования раскрытия информации российскими эмитентами // Государство и право. 2020. № 11. С. 72 - 83.

степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям №5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель *Гентовт Ольга Игоревна* заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».

Официальный оппонент:
доктор юридических наук,
член-корреспондент РАН (право),
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
ФГБУН Институт государства
и права Российской академии наук
Габов Андрей Владимирович

подпись

14 апреля 2021 г.

Контактные данные:

Тел.: 7(495) 691-38-27, e-mail: gabov@igpran.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

Адрес места работы:

11909, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук, сектор предпринимательского и корпоративного права Тел.: 7(495) 691-38-27, e-mail: gabov@igpran.ru

